

Строки памяти

Олег ЗЕЗЮЛЯ

Олег Зезюля
Строки памяти

«Издательство «Перо»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Зезюля О. С.

Строки памяти / О. С. Зезюля — «Издательство «Перо», 2019

ISBN 978-5-00150-550-1

Книга поэта Олега Зезюля – книга СУДЕБ – посвящена трагической странице Российской истории – времени сталинских репрессий. В стихотворениях Олега Зезюля бьется пульс времени, можно сказать через сердце поэта прошла вся боль тех людей, о которых он пишет. Тема, которую поэт освоил в своем поэтическом пространстве, заставляет задуматься над смыслом жизни вообще. В произведениях читатель увидит боль, сопереживание и сострадание к людям прошедшим ужасы советских лагерей.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-00150-550-1

© Зезюля О. С., 2019

© «Издательство «Перо», 2019

Содержание

Цветок на скале или слово из сердца... Олега Зезюля	6
Память	11
30 октября	12
Россия	13
«Маленькая церковь у дороги...»	14
Фотографии	15
«Россия! Столько лет прожито...»	16
Батюшка	17
Ветеран из штрафбата	18
«Следы вечности, следы моря...»	19
Участь	20
Знакомый сад	21
Тиксинский сон[1]	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Олег Зезюля Строки памяти

© Зезюля О. С., 2019

* * *

*Здесь было мало виноватых,
Здесь больше было – без вины.
А. Жигули*

Цветок на скале или слово из сердца.... Олега Зезюля

Когда в душе пробуждается родник поэзии и жизнь измеряется биением стиха, творчество обретает силу и стремительность неудержимого потока. Так мне видится, случилось в жизни замечательного человека, оригинального самобытного поэта Олега Зезюля. Поток времени понес его по жизни, а творчество души подарило много светлых и горьких дней.

Книга Олега Зезюля, если обратиться к определению Пастернака, «кусочек дымящейся совести», ибо в ней есть главное, составляющее настоящей поэзии – Душа, сокровенное и неповторимое в человеке. У Олега, действительно, глубоко сострадательная, деятельная душа – это настоящий феномен проникновения в психологию другого человека, и, как правило, человека тоже страдающего, поставленного в невыносимые условия неволи. Меня сразу поразила судьба Олега. Некоторое время молодой поэт жил и работал на дальнем севере, и его большая душа приняла, впитала в себя все «немые» свидетельства о страшных годах репрессий – он настолько вошел в эту огромную тему, что создал цикл стихотворений. Читаю эти произведения – и сердце содрогается от ужаса за содеянное в годы политических репрессий по отношению к своим соотечественникам! Так содрогалось сердце Олега, очень доброго, сопереживающего всем «униженным и оскорбленным» (Достоевский). А в стихах его, которые он пишет с раннего детства, живет настоящая боль за Россию, за все увиденное в Колымском крае (и вообще в жизни), за русскую деревню, за поруганную природу, без любви к которой немислимо существование на земле.

Любовь к родине, боль за все искалеченное прошлое России – вот главное в его стихах. Это стихи человека глубоко чувствующего и мыслящего, стихи правдолюбца, личности творческой, сильной, цельной. Цитирую программное, на мой взгляд, его стихотворение:

«Участь», самое начало и конец:
В бессмыслии – нет покоя.
В бессмыслии нет надежды...

.....

Но общество все же прозрело,
В бессмыслии нет покоя,
Уроки на всю жизнь узрела.
Беречь и хранить былое.

А вот как сказала личность Олега в его стихах, мне и хотелось поделиться с его читателями.

Определение дома, определение места... Малая Родина – город Асино, а шире – Сибирь, а еще шире – вся Россия. Здесь – истоки творчества Олега, давшей ему творчество земли, которую он чувствует глубоко, как сын. Мать... много проникновенных строк посвящено ей, Матери, которая его воспитала, вдохнула в него столь многое – любовь к родине, нежность сердца, преданность родному дому. Я не находила ни у одного поэта такого замечательного образа – «светлые плечи» мамы:

Мимо пролетают дни за днями,
За окошком вьюга и метель,
Мама пожимает светлыми плечами,
У печурки бабушкина тень...

Первые стихи Олега были, конечно, как у всякого начинающего поэта, были порой наивными, юношескими и порой напоминали стихи Велемира Хлебникова с их вниманием к звуку, форме, но чем больше он вырос – возрастали стихи, углублялось их содержание. Еще в детстве он был участником поэтического конкурса «Волшебное перо». Одаренного мальчика сразу заметили и оценили, оценили его удивительное умение сопереживать, сострадать всему живому. Об этом хорошо сказал Мандельштам (тоже погибший в годы репрессий на Дальнем Востоке: «всех живущих прижизненный друг» – так сказал он о Поэте...).

Юность. Окончил геолого-географический факультет Томского госуниверситета – и профессию выбрал мужественную, романтическую, профессию сильных людей. Любовь к путешествиям, дорогам-путям, которые предуготовит ему трудная судьба, тоже отразились в светлых строках.

Рождаются стихи о любви, Родине, друзьях, и опять о матери – которая ждет сына домой.

Олег Сергеевич жил и работал, как губка впитывал все, что увидел, что его «перепало» – встретился с реальными свидетельствами сталинских репрессий. Начался новый этап его творчества – об этом говорят его фотоснимки, его мужественные и добрые стихи – о людях – страдальцах, о малолетках – детях, которым наряду со взрослыми пришлось пережить все ужасы времени («Малолетка»).

Душа его, я чувствую, принадлежит поэзии – он дышит ею, его стихи растут «как звезды и как розы» по выражению Цветаевой. Мне кажется, в одном из стихотворений Олег нашел образ, точно представляющий его взаимодействие с окружающим миром – ЦВЕТОК НА

СКАЛЕ, а может быть это даже полярный мак, которому он также посвятил отдельное стихотворение «Вылазка». Чуткое, горящее сердце его напоминает ярко-красный мак под сильным ветром времени, а растет его творчество, как цветок, на скале нашей памяти – о прошлом, без осознания которого невозможно строить будущее, ни жить достойно в настоящем. Так достойно выдерживает удары судьбы Олег, обладая, нежной, как цветок, душой Поэта. Поэтический голос его звучит во всех его стихотворениях исповедально, интимно, сокровенно. Может быть, я бы сравнила его стихи с калиной под снегом – ярко-красные ягоды на белом снегу. У него есть и такое стихотворение «Калина»:

Моя калина – радость и надежда,
Когда лютуют стужа и мороз,
Невероятно бережно и нежно
Ты алыми рубинами цветешь.

Удивительно точный образ калинушки – русского деревца, мы знаем, что от холода эти горькие ягодки становятся сладкими, как и в жизни человека – через испытания и скорби приходит прозрение, понимание, что только через страдание можно прийти к радости, свету.

А светлых, точнее светоиспускающих строк, выстраданных, искренних, подлинных, что порой важнее, чем даже искренность, у Олега немало. В его стихах есть не только страдание за людей, переживших кошмары сталинских лагерей, но и радость освобождения, восторг, полет. В них настоящая жизнь, это стихи достойного человека, в душе которого горит огонек, как полярный мак – спасение, хотя самому поэту, остро переживающему боль времени, боль за поруганную Россию, видимо и нет успокоенья.

А сколько стихов о родной природе, о первой нежной любви, о нашей суровой сибирской зиме, о ее необычной красоте, о рассветах и закатах, о двух строчках, которые он просит написать любимую, и эти две строчки – «роса с лепесточка, слезы во тьме». Лучшее подтверждение тому, что душа поэта – цветок на скале, хрупкий и нежный, но сильный, способный перенести любую стужу.

Жил Олег в Тикси, на крайнем Севере, есть у него стихотворение «Тиксинский сон» – сон человека, прожившего большую часть в п. Тикси:

Тикси разрезал лед,
Хмурые тучи вслед,
Может быть повезет
Пробраться сквозь кучи бед...

Читать такие стихи – ВОСКРЕШАТЬ жизнь тех, кого нет. Окликать страшное прошлое. Глядеть в их глаза, слышать речь тех, ушедших...

Читать стихи Олега горько и радостно. Читая их, убеждаешься в высокой духовности, человеческой и художественной одаренности поэта:

А ведь в детстве не мог
Все понять я никак,
Что за страшной колючкой
Это был – Асинлаг...

А Колыма – Олег посвятил этому страшному месту, куда стянули цвет арестантского мира, где столько погибло людей, много стихотворений, подтверждая мысль Александра Сол-

женицына: «Колыма в Архипелаге – отдельных материк, она достойна отдельных повествований...»:

По этапу, в страшной мгле и буре,
В колымской таежной стороне,
Вел конвой нас для смертельной пули,
И уже надежды не было во мне...

В наши дни Варлам Шаламов, Анатолий Жигулин, Юрий Домбровский, Евгения Гинзбург, писатели и поэты, прошедшие ужасы колымских лагерей, напечатаны массовыми тиражами, услышаны читателем. Лагерная тема... «Особый жанр – единственная возможность помочь павшим и отверженным, спасти их от забвения», – пишет Виталий Шесталинский в книге «Рабы свободы». И я хочу, добавить еще одно имя – имя Олега Зезюля – в творчестве которого мы наблюдаем феномен ПРОНИКНОВЕНИЯ в психологию людей, переживших ужасы советских концлагерей – просто захватывает в его стихах подлинность переживания – будто все то, что он описывает в стихах, было с ним самим! Он призывает этим читателя – прийти в сознание, уйти от «бессмыслия», очнуться от бессмыслия и несправия, вернуть себе достоинство. И память, ведь все наше прошлое отнято у нас, уродливо искажено. В стихах Олега звучат голоса тех, кого он чувствует, как живых, и вспоминаются строчки Пастернака:

Но кто мы и откуда,
Когда от всех тех лет
Остались пересуды
А нас на свете нет...

Может быть именно для того, чтобы от всех тех лет остались не только пересуды, и даже не только документы о реабилитации невинных, того, чтобы попытаться понять, кто были и откуда те, кого на свете нет, мы читаем и перечитываем стихи Олега Зезюля.

Это невероятно проникновенное отношение к былому. Открывая его книгу, мы вступаем в колымскую стужу, откуда долетает до нас тепло дыхания ушедших:

Я несу две хрупких гвоздики,
У подножия гор положить.
Мне чудится лагерь безликий,
Память вечно во мне будет жить!

Удивительна живая интонация его стихов, искренность и правда повествования. Олег Зезюля, несомненно, оригинальный поэт по дыханию, по способу видения мира, по обещанию начала – детства, по звучанию всей жизни своей, в которой было много любви, разлуки, боли и радости...

В его стихах очень много Любви – главного в любой человеческой судьбе. Трудная жизнь за плечами, но какая распахнутость – для людей, сколько в его стихах желания выразить чужую боль, как свою – пусть только словом, но СЛОВОМ ОТ СЕРДЦА!

Его книга – книга СУДЕБ – людей, переживших ужасы лагерей. Вспоминаются строки петербургской поэтессы Митрохиной Людмилы:

Колыма, Колыма,
Ты сама не знаешь,
Что в застенках своих

Дух творцов рождаешь...

Мощный дух и рождает сильные строки:

Детский сон или явь —
Я понять не могу:
Подзаборная грязь
В этом странном бору,

Каждый день как во тьме
Эти люди идут...
И все кажется мне,
Что они все умрут...

Пока есть такие люди на земле, как Олег Сергеевич, будет жить память, как скала, как твердое основание того, что она, память о павших, замученных живьем, уничтоженных миллионами, не умрет. Я пишу эти строки в холодный мрачный ноябрьский день, когда все так хмуро и мрачно, и нет здесь, в Петербурге, чистого белого снега, что так греет нас в Сибири. Я вспоминаю золотой осенний день в Асиновской библиотеке, в зале искусств библиотечно-эстетического центра, где проходил конкурс молодых поэтов, после окончания которого мне и дали книжку Олега «Знакомый сад» и его фотоархив, и вижу мальчика, читающего свои первые стихи в этом зале... А за окном идет первый снег...

А в Петербурге, проходя мимо здания Эрмитажа, вновь и вновь глядя на атлантов, подпирающих плечами портал здания, думаю, что без таких людей, как Олег Зезюля, глубоко чувствующих, страдающих за прошлое и будущее России, нам ее не спасти... А стихи Олега – горящий полярный мак на скале – это те же Атланты – огонек спасения для всех нас, для нашей Родины!

*Ирина Киселёва,
поэт, филолог,
канд. филолог. наук,
член Союза Российских писателей*

Память

30 октября

Сегодня во сне, оказался в миру
В котором лишь муки и боль.
Частицу боли с собой заберу,
Чтобы память осталась со мной.
А память снова меня понесёт
По сопкам, по дальним краям.
К отцу и маме меня приведёт,
К северным злым лагерям!
И только увижу потупленный взгляд.
Что-то прошепчет отец.
Но тут же мелькнёт винтовки приклад...
И стоны забытых сердец.
Услышу мамин пронзительный плач
И плач тысяч тех матерей,
У кого отнял этот «Страшный палач»
Жизнь родных отцов и детей...
Утром опять над Россией промчусь
И вспомню о тех страшных днях.
Всем матерям и отцам поклонюсь,
Кто остался навсегда в лагерях!

Россия

Россия – Мать! О чем загоревала?
О чем затосковала, приуныла вновь.
Ты за эти годы, конечно же, устала
И не нужно больше высокопарных слов.

Помнишь, как в семнадцатом грозно ты кричала,
«Что же вы творите, странные глупцы!».
Со слезами, с болью ты негодовала.
А мы были обычные упрямые слепцы.

А в тридцать седьмом как кровью истекала,
Как плакала отчаянно с пленными детьми.
И в сороковые тяжело дышала,
Силы отдавала, чтобы нас спасти.

Как тебе терпения своего хватало
В этой суматохе, в этой тесноте?
Ты за эти годы себя не узнавала,
Словно это время провела в тюрьме.

Ну, а в девяностые свободно задышала,
Хоть были утраты и очень много бед.
Ты с каждым новым годом духовно оживала
И радовалась тихо от своих побед.

Что же ты, Россия – Мать, снова приуныла?
Кто тебя обидеть, опечалить мог?
Или может просто ты отдохнуть решила?
Побольше сил, терпения: «Дай же тебе, Бог!».

«Маленькая церковь у дороги...»

* * *

Маленькая церковь у дороги.
Столько прожито невзгод!
Бабуля стоит на пороге.
Крестится, Батюшку ждет.
Тихо молитвы читает,
Смотрит на выцветший крест
Голову часто склоняет
В сиреновом лике небес.
Просит защиты у Бога
Для Родины и для детей.
Счастья, надежды немного
Для своих родных сыновей.
И ветер ей что-то вторит,
Играя в колокола.
О чем-то с деревьями спорит,
Мчится вдаль, в никуда.
А церковь стоит одиноко
С бабушкой вместе молчит.
И слышно, как где-то далеко
Клин журавлиный трубит.

Фотографии

Фотографии. Старый альбом,
Залежавшийся в старом комодке.
Моей бабушки старенький дом,
Стоящий у ветхой дороги.
Прошло уже несколько лет,
Как не видел родную сторожку,
Но прекраснее радости нет,
Постоять у калитки немножко.
Фотографии. Память в сердцах
Обо всех пережитых невзгодах,
О слезах у нас на глазах,
Когда расставались на годы.
Семейные праздники здесь,
Счастливые с близкими встречи...
Думаю надо присесть,
Уже надвигается вечер.
Фотографии. Боль на душе,
Когда вижу бабушку с мамой.
Воспоминания о погибшем отце...
Вроде все было недавно.
И где-то опять застучит,
Может дятел, а может синица...
Это сердце мое дребезжит.
Моя мама мне снова приснится.

«Россия! Столько лет прожито...»

* * *

Россия! Столько лет прожито,
А повсюду кресты.
Трудных и разных дорог исхожено.
Да перед нами мосты.
Много было у нас отчаяния.
Много было у нас побед.
Но, а мы как не покаянные,
Разбрелись по осколкам лет.
Разбрелись по разные стороны,
Кто на запад, а кто на восток.
Над землей черные вороны
Нарушают мирный поток.
Много сделали мы за жизнь свою,
Всего этого – не сосчитать.
В нашем странном и родном краю
Нам этого не понять...
Россия! Столько лет прожито,
А повсюду кресты.
Длинных таежных дорог проложено...
Да костяные мосты.

Батюшка

Батюшку сегодня встретил
Я в деревне поутру,
Взгляд его уже заметил,
Что сказать ему смогу?
Как раскрою ему душу?
Как скажу про все грехи?
И захочет ли прослушать?
Не захочет ли уйти?
Подошел к нему поближе
И в глаза ему смотрю,
А в глазах усталость вижу
И как в пламени горю.
И покаялся душою,
Рассказал про жизнь свою,
Поборолся я с собою,
Перед батюшкой стою.
Но, а батюшка ответил
Кто не грешен на Земле?
Кто душою чист и светел?
Кто не лгал в своей судьбе?
Кто прожил жизнь в покаянье?
Кто лишь правдой дорожил?
Кто умел давать прощенье?
Кто достойно Бога жил?
И с улыбкой он добавил,
«Ты с добром, с людьми живи
И не брезгуй божьих правил
Следуй им и всех люби!»
И пошел себе дорогой
В повседневный крестный путь
Так помог он в жизни многим,
Счастье и любовь вернуть!

Ветеран из штрафбата

Покосившийся взгляд, на усах седина
Да изрытые ямами щеки.
Мой сосед наливает в кружку вина,
И грустит в окне – одинокий.
Сразу перед глазами война,
Как бежали по минному полю.
Все ярче блестит на висках седина.
Горести в сердце не скроешь.
Еще вспоминается лагерь глухой
В краю болот и морозов.
Ему повезло, что остался живой...
По лицу текут редкие слезы.
Помнит, как бросили их на рубеж.
Прямо лбами столкнулись с фашистом.
Как Витька-вор на гранату полез,
Как пули летели со свистом.
До тонкости помнит тот радостный день,
Встречал победу он в Бресте.
Где же ты, Колька, да Пашка-плетень?
Никогда не будете вместе.
Покосившийся взгляд, на усах седина,
Да изрытые ямами щеки.
Мой сосед допивает бутылку вина,
И сидит он хмельной – одинокий.

«Следы вечности, следы моря...»

* * *

Следы вечности, следы моря
В глубине человеческих глаз.
Отпечатки безумного горя
В выражениях редких фраз.
Души истерзаны в муках
Холода и вечной борьбы.
В стране правит разлука
С многозначностью клеветы.
Душный пар исходит
С искаженных усталых лиц.
Судьба свои жертвы находит
В руках некрещеных убийц.
Дым истории все исправит,
На страницах запечатлит.
Никого в темноте не оставит,
Правду жизни возобновит.

Участь

В бессмыслии нет покоя.
В бессмыслии нет надежды.
Творящее раньше – былое,
Пропало в руках невежды.
Культура страну покидает,
Разрыв между словом и честью
И больше ничто не сияет
В этой немислимой мести.
Рушатся церкви и храмы,
Повсюду разрушающий хаос...
Как нам спасти эти раны,
Раз ниточка веры порвалась...
Но общество все ж прозревает,
В бессмыслии нет покоя.
Уроки из жизни узрела —
Беречь и хранить былое.

Знакомый сад

Знакомый сад и запах старой липы,
И потускневшее от старости окно,
И слышны где-то в старой чаше скрипы
Ведь это было так уже давно.

Уже седой и вот стою у дома
В котором детство я свое провел
До острой боли мне здесь все знакомо
И помню, как отсюда я ушел.

И мать родную в сереньком платочке
Ее уставшие и добрые глаза,
И как звала меня своим сыночком,
И как работала годами допоздна.

И ту иконку, что в углу стояла,
Как мать молилась перед ней всегда.
Как тихо плакала и часто вспоминала,
Как похоронку прислали на отца.

Я стою и тихо себе плачу
И все смотрю куда-то в этот сад,
И как поземкой желтый листик скачет
Все возвращает в прошлое, назад.

Тиксинский сон¹

Тикси разрезал лед,
Хмурые тучи вслед,
Может быть повезет
Пробраться сквозь кучи бед.
Сколько прошло уж лет
В этой дремучей дали,
Но, а счастья нет
Без Тиксинской Земли.
Солнце проглянет вдруг,
Бухту осветит враз,
Встретится старый друг
И отдохнем сейчас.
Вспомним былые года,
Пива махнем разок.
Ведь так было всегда
И всплакнем чуток.
Чаяк услышим крик,
Ветер сорвал волну
И окажемся в миг
На морском берегу.
Вдохнем этот запах вновь

---

¹ Сон человека, прожившего большую часть жизни в п. Тикси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.